Серія „ПРОЛЕТАРІАТЪ“.

Ф. Фрей.

Мицій, китайскій предвѣстникъ христіанскаго коммунизма.

Переводъ съ нѣмецкаго.

ИЗДАНІЕ
МАРІИ МАЛЫХЪ.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:
С.-Петербургъ. Книжн. магаз.
„Знаніе—сила“
Троицкая улица, 27.

Цѣна 1 коп.

Мицій смотрѣлъ на окраску шелк и, вздыхая, сказалъ: выкрашенное въ голубое — стало голубымъ; выкрашенное въ желтое—стало желтымъ. Измѣняется краска,—измѣняется и цвѣтъ, соотвѣтственно пяти различнымъ краскамъ. Поэтому съ окрашиваніемъ слѣдуетъ обращаться осторожно. Однако, окрашивается не только шелкъ - государство имѣетъ также свою окраску.

Всѣмъ извѣстно, что Китай располагаетъ древнѣйшей культурой. Вѣроятно менѣе извѣстно, что еще за столѣтіе до появленія Платона,—перваго соціалиста-утописта Европы, Китай уже имѣлъ своего теоретика коммунизма.

Около 500 г. до Р. Х. всеобщее вниманіе привлекъ Мицій (или вѣрнѣе Мицъ Тзи), младшій современникъ Конфуція.

О жизни его мы имѣемъ лишь скудныя данныя; знаемъ лишь, что онъ былъ всесторонне образованнымъ человѣкомъ, что онъ не только писалъ философскіе труды, но былъ и искуснымъ механикомъ и геніальнымъ строителемъ крѣпостей (онъ оставилъ труды по фортификаціи); далѣе, что онъ имѣлъ безупречный характеръ, отличался благородствомъ и самоотверженной любовью. Другого и нельзя было бы ожидать, судя по его трудамъ, гдѣ всюду разсыпаны блестки благородныхъ и возвышенныхъ мыслей. Съ этими біографическими штрихами и съ сущностью ученія Миція ознакомилъ нѣмецкое общество рейнскій миссіонеръ Эрнстъ Фаберъ.

Однако, въ своемъ трудѣ (Основныя идеи древняго китайскаго соціализма, Эльберфельдъ, 1877) Фаберъ, къ сожалѣнію, довольно подробно излагаетъ и свои собственные взгляды, причемъ съ крайней ненавистью и безъ всякаго пониманія нападаетъ на соціализмъ, и даже бросаетъ въ лицо нѣмецкимъ соціалистамъ крайне низкія оскорбленія.

Что Мицій мало или даже почти совсѣмъ неизвѣстенъ въ самомъ Китаѣ, объясняется двумя причинами. Во-первыхъ, послѣ смерти Миція ученики его, изъ которыхъ наиболѣе выдающимся былъ, повидимому, Као, распались на три враждовавшія между собой школы; этимъ они ослабили поднятое имъ движеніе; во-вторыхъ, утопическія идеи, заключавшіяся въ ученіи Миція, не соотвѣтствовали экономическимъ отношеніямъ современнаго ему Китая. Неудивительно поэтому, что его сверстнику, философу Мендзе, далеко не столь геніальному мы-

тивность экономическихъ условій современнаго ему Китая. Въ нашихъ глазахъ онъ остается идеологомъ и утопистомъ и, какъ таковой, онъ легко былъ опровергнутъ Мендзе.

Мицій полагаетъ, что всѣ бѣды заключаются въ злой волѣ правителей; если бы ихъ мѣсто заняли мудрые и благонамѣренные ученые, они могли бы ввести проповѣдуемый имъ коммунизмъ.

„Какія трудности сопряжены съ его проведеніемъ? Только тѣ, что правители не дѣлаютъ его принципомъ своего правленія, а образованные не проводятъ его на практикѣ". Исходя изъ такихъ взглядовъ, Мицій, подобно Платону, приходитъ къ требованію аристократіи философовъ, распредѣленныхъ, конечно, въ извѣстномъ іерархическомъ порядкѣ. Послѣдній былъ ничѣмъ инымъ, какъ идеализаціей іерархіи мандариновъ. „Государство, въ которомъ не уважаютъ ученыхъ, гибнетъ. Поэтому, не столь похвально обогащать государственную казну, сколько привлекать къ правленію замѣчательныхъ людей и покровительствовать ученымъ. Средство, чтобы привлечь ихъ,—то же, которое примѣняется по отношенію къ хорошимъ стрѣлкамъ изъ лука и къ возницамъ колесницъ: ихъ награждаютъ, ихъ почитаютъ, ихъ восхваляютъ. Точно такъ же слѣдуетъ поступать съ замѣчательными, почтенными учеными, которые имѣютъ богатый опытъ, какъ вести добродѣтельную жизнь, очень осмотрительны въ рѣчахъ и на дѣлѣ, очень свѣдущи въ нравоученіяхъ.

Они настоящія жемчужины въ государственномъ домохозяйствѣ, они помощники духовъ-покровителей. Однако, надо помнить также, что согласно предписаніямъ государей древности, не слѣдуетъ несправедливаго надѣлять богатствомъ, окружать почетомъ, облекать довѣріемъ, ставить выше другихъ.

Благодаря такому справедливому отношенію, стоящіе ниже получаютъ увѣренность, что и они поднимутся выше и поэтому стараются достичь этого... Изъ чего познается, что предпочтеніе, оказываемое лучшимъ людямъ,—основной принципъ правленія? Изъ того, что если правятъ знатные и мудрые,—глупые и низшіе позволяютъ имъ управлять собой; если же, наоборотъ, правятъ глупые и низкіе, — знатные и мудрые возстаютъ противъ нихъ".

Уже изъ этихъ словъ можно заключить, что Мицій, въ своей критикѣ существующихъ порядковъ, рѣзко нападетъ на дурныхъ чиновниковъ и на хозяйничаніе фаворитовъ. Я приведу только три изреченія: „Если приближенные правителя нѣмы,—стонутъ вдали отъ него стоящіе". „Если правитель не хочетъ слиться съ сердцами своихъ подданныхъ, если его окружаетъ лесть, и отрѣзанъ путь добрымъ совѣтамъ,—государство въ опасности". „Если должности занимаютъ родственники правителя, не имѣющіе необходимыхъ знаній, если фаворитовъ надѣляютъ отвѣтственными мѣстами, то девять десятыхъ государственныхъ задачъ остаются нерѣшенными. Всѣ образованные хотятъ стать

богатыми и знатными, теперь же никто не можетъ добиться этого, кромѣ кровныхъ родственниковъ князей и сильныхъ міра сего, да ихъ фаворитовъ". Одной изъ причинъ дурного правленія въ современномъ ему Китаѣ Мицій считаетъ чрезмѣрное преклоненіе передъ родителями, учителями и прежними правителями, рабское подражаніе старинѣ и полное подчиненіе исконной древности. Онъ доказываетъ это слѣдующимъ образомъ: „На бѣломъ свѣтѣ много родителей, но истинно-человѣчныхъ мало; подражать родителямъ безъ разбора, значитъ осуществлять безчеловѣчность; она же не должна стать закономъ. То же самое, — если образцомъ для себя дѣлаютъ учителей своихъ или правителей, ибо и среди нихъ больше безчеловѣчныхъ. Итакъ, они не годятся ни въ качествѣ образца, ни въ качествѣ правителей. Кто же тогда? Лучше всего взять за образецъ небо (природу)... Вліяніе неба универсально (всеобъемлюще), и въ то же время оно не себялюбиво. Оно хочетъ, чтобы люди любили другъ друга, чтобы они помогали другъ другѣ, и не хочетъ, чтобы люди ненавидѣли и грабили другъ друга. Но откуда это извѣстно? Извѣстно изъ того, что оно любитъ всѣхъ, безъ исключенія, и всѣмъ, безъ исключенія, помогаетъ; это очевидно изъ того, что оно всѣми, безъ исключенія, владѣетъ и всѣхъ, безъ исключенія, питаетъ".

Другое мѣсто гласитъ: „Правовѣрные говорятъ: благородные должны преклониться передъ изреченіями древности—это человѣчно. Однако, времена древности были когда-то новыми временами, такъ что подражаютъ не тому, чему подражать хотятъ, а противоположному".

О революціонной силѣ этихъ мыслей мы получимъ правильное представленіе только тогда, когда вспомнимъ, что въ Китаѣ дѣтскій піэтизмъ считается главной добродѣтелью, и что онъ вполнѣ замѣняетъ тамъ религіозное смиреніе и благочестивое послушаніе другихъ народовъ. Неудивительно, поэтому, что Мендзе, главнымъ образомъ, старается отразить эти смѣлыя нападки на безусловный авторитетъ человѣка, онъ инстинктивно чувствуетъ, что тутъ затрагивается важнѣйшій вопросъ, во имя котораго идетъ борьба культурнаго прогресса противъ застоя и окаменѣлости Китая—этой злѣйшей его язвы.

Другой причиной дурного управленія Мицій считаетъ отчужденіе правителей и народа другъ отъ друга, ихъ взаимное непониманіе. Но болѣе обстоятельно и рѣзко Мицій критикуетъ другіе два фактора, влекущіе за собой нужду и нищету: съ одной стороны—роскошь, какъ частную, такъ и государственную: съ другой стороны—войну. Онъ сурово осуждаетъ мотовство богатыхъ въ то время, какъ народъ бѣдствуетъ. „Работа надъ колесницами, конями, одеждой, мѣхами и рѣдкостными издѣліями озлобляетъ челядь. Заводя дворцы и палаты, устраивая театральныя зрѣлища и любуясь ими, сооружая великолѣпные гробницы и саркофаги для усопшихъ, надѣляя ихъ

слителю, но лучше сумѣвшему приспособиться къ китайскимъ порядкамъ, легко удалось одержать верхъ надъ идеями Миція и заклеймить его именемъ „гнуснаго крамольника". Такимъ образомъ, послѣдующія поколѣнія, „преисполненныя благочестія", преклонились передъ Мендзе, какъ классическимъ писателемъ, и предали забвенію его противника. Но успѣхи современнаго соціализма заставили вновь обратить вниманіе на Миція.

Соціальныя бѣдствія и соціальная нужда являются исходнымъ пунктомъ его изслѣдованій и часто служатъ у него предметомъ яркихъ описаній.

Мицій рѣзко нападаетъ на тѣхъ, кто говоритъ, что бѣдность должна существовать всегда; что таковы неотвратимыя велѣнія рока.

„Рѣчи о предопредѣленіи, говоритъ онъ, уничтожаютъ справедливость; уничтоженіе справедливости — порождаетъ предопредѣленіе". Онъ же, Мицій, не сомнѣвается въ томъ, что есть средство для борьбы съ соціальными бѣдствіями, и эту борьбу онъ дѣлаетъ краеугольнымъ камнемъ своего ученія. Съ величайшей рѣшимостью и упорной настойчивостью проповѣдуетъ онъ своеобразный коммунизмъ, всеобщую любовь къ ближнему и широкую взаимопомощь; онъ ведетъ борьбу—съ борьбою всѣхъ противъ всѣхъ.

„Воръ любитъ свой домъ, а не чужой; онъ обворовываетъ чужой домъ, чтобъ принести пользу своему дому. Разбойникъ любитъ себя,—не другихъ; поэтому онъ грабитъ другихъ, чтобы помочь себѣ. Почему такъ? Все происходитъ отъ отсутствія взаимной любви. Такова же причина того, что хозяева другъ у друга разрушаютъ дома, а властители и государства ведутъ между собой войны. Каждый хозяинъ любитъ свой домъ, а не чужой; онъ наноситъ вредъ чужому, чтобы принести пользу своему собственному. Также поступаютъ властители по отношенію къ чужимъ государствамъ. Всѣ бѣдствія въ государствѣ ведутъ начало отсюда. Изслѣдуйте, какъ возникаютъ они, и вы найдете, что вѣчная причина этого — отсутствіе взаимной любви. Если бы на жилище другого (ближняго) смотрѣли, какъ на свое собственное,—кто сталъ бы воровать? Если бъ къ другимъ относились, какъ къ самимъ себѣ,—кто сталъ бы грабить? Если бъ на семью другого смотрѣли, какъ на свою собственную,—кто сталъ бы нарушать ея покой? Если бы на чужія государства смотрѣли, какъ на свои собственныя,—кто сталъ бы вести войну? Поэтому, страна управляется хорошо тамъ, гдѣ безраздѣльно царитъ взаимная любовь; и въ ней неспокойно,—при взаимной ненависти... Если въ странѣ нѣтъ взаимной любви, сильный давитъ слабаго, богатый издѣвается надъ бѣднымъ, вліятельный высокомѣрно относится къ низшему, хитрый обманываетъ глупаго. Всѣ бѣдствія, всѣ притязанія, всѣ огорченія и недовольства въ государствѣ возникаютъ отъ отсутствія

взаимной любви. Поэтому, человѣколюбивый осуждаетъ такой порядокъ. Но какъ измѣнитьего? Законъ коммунистической, взаимной любви и дружная работа другъ для друга измѣнятъ его!"

Коммунизмъ древняго китайскаго философа очень близокъ къ первобытно-коммунистическому ученію о любви къ ближнимъ; часто онъ съ нимъ вполнѣ совпадаетъ. Подобно христіанскому коммунизму, это коммунизмъ не производства, а потребленія; коммунизмъ добровольный, на практикѣ выливающійся въ формы благотворительности. Онъ можетъ быть формулированъ словами: „Люби то, что принадлежитъ другому, какъ свое собственное". Изъ этого ясно, что не надо быть сыномъ Божіимъ, чтобы выражать подобныя мысли, и что на одинаковой ступени развитія различные народы и люди, согласно имманентнымъ законамъ развитія и причинности, присущимъ человѣчеству,—часто мыслятъ и дѣйствуютъ одинаково.

Отличается ученіе Миція отъ ученія Христа въ томъ отношеніи, что оно насквозь проникнуто оптимизмомъ, любовью къ жизни и полно надеждъ на будущее; что оно не проповѣдуетъ, подобно христіанству, проклятія міру, умерщвленія плоти и не возлагаетъ своихъ надеждъ лишь на загробную жизнь. Гдѣ христіанство учитъ самоотреченію, Мицій учитъ лишь простотѣ; гдѣ оно призываетъ къ самоотверженному непротивленію, Мицій зоветъ къ смѣлой борьбѣ. Конечно, это развитіе находитъ себѣ основаніе въ томъ, что Китай того времени, несмотря на размѣры господствовавшей въ немъ нужды, несмотря на глубоко коренившуюся въ немъ нищету,—не былъ страной, клонившейся къ упадку, подобно Святой землѣ, гдѣ возникло христіанское ученіе, подобно римской имперіи, гдѣ оно такъ быстро распространилось.

Своимъ противникамъ, заявляющимъ, что коммунизмъ желателенъ, но трудно осуществимъ, Мицій возражаетъ: „Есть много болѣе труднаго, что, однако, уже проведено въ жизнь". За устраненіемъ соціальной нужды, Мицій обѣщаетъ прежде всего нравственный подъемъ народа, моральный успѣхъ. Мысля, какъ современный человѣкъ науки, и этимъ опережая свое время на тысячелѣтія, онъ восклицаетъ: „Если времена хороши,—народъ человѣченъ и добръ; если времена плохи,—народъ подлъ и преисполненъ злобы". Эти слова, которыя, какъ извѣстно, не рѣшается признать ни современная церковь, ни историки Европы изъ лагеря охранителей, заключаютъ въ себѣ основной принципъ матеріалистическаго пониманія исторіи, поскольку они подчеркиваютъ зависимость психической конституціи людей отъ экономическихъ факторовъ.

Къ сожалѣнію, подобная мысль могла лишь, какъ метеоръ, промелькнуть въ сознаніи Миція, но не стать основой его міровоззрѣнія; и это очень понятно: надо принять во вниманіе ту раннюю эпоху, въ которой жилъ Мицій, вспомнить отсутствіе научныхъ методовъ мышленія и, главнымъ образомъ, прими-

...ленными одеждами и мѣхами, воздвигая дозорныя ... для живыхъ, украшая гробницы умершихъ, только ...гъ народъ (извнѣ) и опустошаютъ казну (изнутри). ...е могутъ насытиться этими удовольствіями, низшіе не ...держать своего озлобленія противъ нихъ. Итакъ, че... не станетъ дѣлать того, что нравится его очамъ, что ...тъ его слухъ, что доставляетъ сладость его устамъ, ...но его тѣлу, если этимъ самымъ онъ лишаетъ народъ ...на одежду и пищу и растрачиваетъ ихъ“.

... болѣе опасными, чѣмъ частная роскошь, Мицій счи... ...производительныя работы и затраты, предпринимаемыя ...вомъ. „Расходовать средства, напрягать силы, не при...кому пользы, —этого дѣлать не слѣдуетъ.. Если налоги ...ся правильно, соразмѣрно среднему заработку каж... ...народъ отдаетъ ихъ безъ всякаго болѣзненнаго раз.... Народъ озлобляется не этимъ. Озлобленіе вызывается ...ной работой, не приносящей никому пользы“.

... слова могутъ намъ показаться весьма современными, ...енности теперь, когда на народъ взваливаютъ все боль... ...ольшее бремя налоговъ, идущихъ на покрытіе непроиз...ьныхъ затратъ на армію и флотъ. Но еще болѣе соот...тъ переживаемымъ нами днямъ тотъ пламенный про...торый два съ половиной тысячелѣтія тому назадъ былъ ...нъ этимъ культурнымъ китайцемъ противъ ужасовъ и ...еній войны; именно—нашему времени, когда китайскій ... возсталъ противъ державъ трехъ частей свѣта, когда ... раса, возмущенная и озлобленная грубой политикой ... бѣлыхъ варваровъ, поднялась противъ ненавистнаго ей ... въ новыхъ и новыхъ словахъ, все въ новыхъ выра... клеймитъ Мицій войну, неустанно бичуетъ это вели... изъ всѣхъ соціальныхъ преступленій: „Если находится ...ъ, который пробирается въ садъ ближняго и тамъ похи...го персики и сливы, и толпа узнаетъ объ этомъ, она ...ждаетъ; попадетъ онъ въ руки правителей,—они нака...о. Почему такъ? Потому, что онъ наноситъ ущербъ ...мъ, чтобы получить выгоду. Красть собакъ, свиней, куръ ...овъ еще большая несправедливость, чѣмъ похищеніе ... Почему такъ? Потому, что тутъ ущербъ, наносимый ...мъ больше, отсутствіе любви къ нимъ — глубже, вина ... ними—сильнѣе... Если убиваютъ невинныхъ, снимаютъ ... одежду, отнимаютъ оружіе, то несправедливость здѣсь ...ьше и т. д. Всѣ благородные люди согласны съ этимъ, ...ъ такой образъ дѣйствій позоромъ и называютъ неспра...мъ. Однако, величайшее зло, нападеніе на государство, ... осуждаютъ, а восхваляютъ и называютъ справедли... Какъ же такъ? Значитъ ли это, — понимать разницу ...справедливостью и несправедливостью? Убійство одного ...а называютъ несправедливостью, и оно влечетъ за со-

бой смертную казнь. Если быть послѣдовательнымъ, то убійство 10 человѣкъ—въ десять разъ большая несправедливость... Но величайшую несправедливость—наступательную войну противъ какого-либо государства—они не осуждаютъ, они даже восхваляютъ ее, называютъ справедливой... Если бъ нашелся человѣкъ, который, видя немного черныхъ вещей называлъ бы ихъ черными, но видя много черныхъ вещей, называлъ бы ихъ бѣлыми, онъ не умѣлъ бы отличать черное отъ бѣлаго... Если несправедливость совершается въ маломъ,—ее всѣ признаютъ и осуждаютъ, если она совершается въ крупномъ, въ видѣ наступательной войны противъ государства,—ее не признаютъ преступленіемъ и не клеймятъ позоромъ, а восхваляютъ и называютъ справедливостью. Какъ же понимаютъ различіе между справедливостью и несправедливостью? То, что причиняютъ своими войнами государи,—въ тысячи, десятки тысячъ разъ хуже, чѣмъ убійство невинныхъ или кража со взломомъ, и все-таки это называютъ справедливостью". Въ трогательныхъ словахъ Мицій описываетъ послѣдствія войны; указавъ на потерю оружія и прочаго военнаго матеріала во время войны, онъ продолжаетъ: „Быки и кони, выйдя изъ дому тучными, домой возвращаются тощими.. Выходитъ весь провіантъ, ибо войска вынуждены дѣлать дальніе походы много народа умираетъ. Безчисленны тѣ, кто лишился своего мирнаго угла, кто во время не имѣетъ пищи, у кого голодъ и насыщеніе не чередуются правильно; народъ болѣетъ и умираетъ по дорогамъ. Также безчисленны павшіе въ бою. Народу наносится такой вредъ для того, чтобы отдѣльные люди получили имя побѣдителя. Нужны тысячи низшихъ и высшихъ офицеровъ, нужны сотни тысячъ простыхъ солдатъ,—только тогда ихъ достаточно для войны: продолжительный походъ длится годы, краткій—мѣсяцы. Высшіе за все это время не могутъ заботиться объ управленіи государствомъ, офицеры не могутъ управлять своими домами, крестьяне—сѣять и жать, женщины—прясть и ткать. Итакъ, если государи, владѣтели и сильные міра сего находятъ удовольствіе въ войнѣ и ведутъ ее, то удовольствіе это самымъ жестокимъ образомъ уничтожаетъ миріады гражданъ. Это ли не плачевно!"

Просто и безыскусственно звучатъ слова китайскаго мудреца, пережившія тысячелѣтія; теперь они находятъ себѣ громкій отзвукъ въ милліонахъ чувствующихъ сердецъ и мыслящихъ головъ. Онъ опередилъ свое время, не сумѣвшее по достоинству оцѣнить его; онъ глубоко погружалъ свой испытующій взоръ въ черную глубину грядущаго; его геній провидѣлъ цѣль, его глаза обозрѣвали путь прогресса. Если современники не почтили Миція, мы почтимъ его, и часто оспариваемый, онъ, въ концѣ концовъ, все-таки окажется правымъ, несмотря на всѣ свои заблужденія.
